

Кондратий
БНРКНН

Временники и фавориты

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

Карл, принц Уэльский, старший сын короля Карла I и супруги его Генриэтты Французской, родился 29 мая 1630 года. Прелестным лицом он походил на мать, а нравом был в дедушку, в покойного короля Генриха IV. Не знаем, какие планеты играли главные роли в гороскопе новорожденного, но уверены, что первое место между ними принадлежало Венере... Звезда богини любви, во все продолжение жизни Карла II, была его путеводницей, а он ревностнейшим ее жрецом.

- [Кондратий Петрович Биркин](#)

- [notes](#)

☐ [1](#)

☐ [2](#)

☐ [3](#)

☐ [4](#)

☐ [5](#)

☐ [6](#)

Кондратий Петрович Биркин

Карл II Стюарт

Люси Уолтерс. – Герцог Монмут. – Мисс Франциска Стьюарт (1649-1660-1685)

Карл, принц Уэльский, старший сын короля Карла I и супруги его Генриэтты Французской, родился 29 мая 1630 года. Прелестным лицом он походил на мать, а нравом был в дедушку, в покойного короля Генриха IV. Не знаем, какие планеты играли главные роли в гороскопе новорожденного, но уверены, что первое место между ними принадлежало Венере... Звезда богини любви, во все продолжение жизни Карла II, была его путеводницей, а он ревностнейшим ее жрецом. Влюбчивый в детстве, ненасытно сладострастный в юности и в зрелых годах, развратный в старости – Карл II постепенно превращался из эпикурейца в циника, подавая пример крайней разнузданности нравов всему двору. Лучше отомстить чопорным пресвитерианам и постникам-пуританам за смерть отца (и в то же время поглумиться над его памятью), Карла I, он, конечно, не мог, как превратив в срамной лупанар тот самый дворец, в котором король-мученик проводил последние свои дни, а суровый Кромвель первые годы своего царствования... Какую память оставил по себе в потомстве английский Сарданапал? Развел породу длинноухих комнатных собачек, названную в его честь кинг-чарльс, – и только. Выражаясь языком баснописцев, скажем в заключение, что и сам-то Карл II был таким же дрянным охранителем славы, богатств и интересов Англии, каким бывает избалованная комнатная собачка в отношении имущества своего хозяина: вор ее самое унеси – и ухом не поведет. Не таков был Кромвель – сердитый *бульдоз*, грозно рычавший и скаливший зубы на каждого, державшего только протянуть руку к Англии, охраняемой этим верным стражем.

Когда начались междоусобия Карла I с народом, малолетний принц Уэльский был отправлен в Гаагу и отдан на попечение Вильгельма Оранского. Известия о ходе борьбы короля английского с его подданными день ото дня становились тревожнее; несчастная королева Генриэтта отправилась во Францию умолять о помощи ее супругу всемогущего Ришелье, а после него продажного лицемера Мазарини. Короля английского, на словах, жалели все европейские государи, но из них ни один не оказал ему существенной помощи. В то время европейская

политика уже была проникнута отвратительным иезуитством, основное правило которого выражено было впоследствии Талейраном ужасными словами: «язык дан человеку на то, чтобы скрывать свои мысли». Трон Карла I колебался; порфира на его плечах превращалась в хитон Деяниры, сброшенный с плеч несчастным королем вместе с жизнью. В то же самое время, когда отец томился в плену у своих подданных, восемнадцатилетний его сынок проводил время в любовных интрижках, одерживая победы над красавицами более или менее легкого поведения. В 1648 году принц Уэльский встретил в Гааге любовницу полковника Роберта Сидни, некую *Люси Уолтерс*, влюбился в нее по уши и упорно стал домогаться взаимности. Совесть, которую сын Карла I тогда еще не утратил окончательно, укоряла его за соперничество с содержателем прелестной Люси; но Сидни был философ; узнав о слабости короля к его содержанке, он равнодушно отозвался, что Люси властна располагать собой как ей угодно. Принц Уэльский не замедлил взять Люси к себе, а она, в свою очередь, не замедлила объявить себя беременной и в 1649 году родила Карлу сына, Якова. Злые языки и люди в этом деле компетентные утверждали, что настоящий отец новорожденного не принц, но Роберт Сидни, на которого ребенок был поразительно похож, даже на щеке был помечен родинкой, точно так же, как и благодетель Люси... Но кто любит, тот и верит. Куртизанке не стоило большого труда убедить принца Уэльского, что он отец ее ребенка, и Карл беспрекословно признал его своим. Он по целым дням проводил у ног развратницы, повиновался ей беспрекословно, предупреждал малейшие ее желания; тратил на ее прихоти последние деньги из скромных субсидий, выдаваемых ему Вильгельмом Оранским. Весть о казни Карла I на время прекратила эту грозную идиллию и заставила принца – теперь наследовавшего после отца титул королевский – заняться делами более приличными его званию. Весной 1649 года, нежно распростившись с Люси Уолтерс, Карл II отправился в Ирландию, где права его мужественно отстаивал маркиз Ормонд. Отсюда с небольшим отрядом солдат, душой и телом ему преданных, Карл переправился в Шотландию. Его появление в этом королевстве произвело в народе сильное впечатление. Как бы желая загладить недавнее предательство и измену отцу, шотландцы с восторгом встретили сына и приветствовали его как законного короля. В свою очередь, Карл II, желая задобрить пресвитериан, показал себя ревностным последователем *Ковенанта* и вступил в эту секту, смиренно подчиняясь ее строгим уставам. Это фарисейство увенчалось желанным успехом; шотландские изуверы признали его *святым* и решились грудью

постоять за него. Эта защита была тем необходимее Карлу II, что надежная его опора в Шотландии, знаменитый *Монроз*^[1] – погиб, а войска Кромвеля с каждым днем усиливались.

Армия Карла II, состоявшая большей частью из шотландских горцев (гайлендеров), под его предводительством двинулась к границам Англии, и здесь близ Дунбара 2 сентября 1651 года произошла первая битва между шотландцами и войсками парламента, предводимыми Кромвелем... Последние победили, и горцы были рассеяны. Беспрепятственно Кромвель занял Эдинбург, и вскоре вся окрестная страна признала над собой его владычество. Карл II, отступивший с жалкими остатками своей армии, но не преследуемый неприятелем, соединился с отрядом ирландцев, пришедшим к нему на помощь. Всю зиму 1651, весну и лето 1652 года он провел в наборе войск. Располагая наконец достаточными силами и рассчитывая на поддержку со стороны народа, Карл II решился проникнуть в Англию. Зорко следил Кромвель за движениями неприятеля и, заняв сильную позицию близ Уорчестера, преградил роялистам дальнейший путь в английские пределы. Вдохновляемые пророчествами Кромвеля, его войска были заранее уверены в победе; армия Карла, при всей готовности постоять за короля, падала духом и, вместо того чтобы внезапным и дружным натиском опрокинуть неприятелей и прорваться сквозь эту живую стену, медленно придвигаясь к Уорчестеру, казалась огромным стадом волов, ведомых на бойню. Дело было в начале сентября, погода стояла довольно теплая и тихая. В ночь с 1-го на 2-е число на окрестные поля Уорчестера пал густой, непроницаемый туман и влажной завесой отделил войска Карла II от дружин Кромвеля. Роялисты даже и не подозревали, что неприятель от них так близко. Наступило утро, туман рассеялся...

– Вот они! – сказал Кромвель своим солдатам, указывая на роялистов. – Сам Господь выдает их в наши руки. Год тому назад, в этот самый день мы победили под Дунбаром, победим и сегодня. Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!

По сигналу, поданному главнокомандующим, республиканцы с яростью устремились навстречу роялистам. Последние, не выдержав натиска, быстро отступили и после непродолжительного сопротивления обратились в бегство. Пешие и конные, тесня, давя друг друга, обуянные паникой, позабыв о короле, думали единственно о своем спасении. Увлекаемый этим живым потоком, Карл II пытался остановить беглецов, умоляя их убить его, чтобы он не был свидетелем этого позора. Все напрасно – поражение было совершенное: кроме восьми тысяч убитыми и ранеными, Карл потерял свыше десяти тысяч пленных, которые,

по повелению Кромвеля, были отправлены на поселение в Америку. Если бы победитель, пользуясь поражением роялистов, продолжал преследовать жалкие их остатки, он, без сомнения, захватил бы в плен Карла II и горсть его спутников, великодушно разделявших с ним бедственную его участь; но Кромвель щадил сына Карла I и в этом случае руководился не жалостью, а весьма разумным расчетом. По закону, Карл II как мятежник, взятый в плен с оружием в руках, подлежал смертной казни. Решение вопроса о его участи непременно сопрягалось бы с новыми междоусобиями, страшнее прежних; тот же самый народ мог, в виду новой плахи и топора, поднятого над головой сына казненного короля, взять его под свою защиту, свергнуть иго парламента, Кромвеля и вместо эшафота возвести Карла II на родительский престол. Щадя побежденного врага и преследуя его, Кромвель предоставил парламенту принять свои меры против претендента. Парламент объявил Карла Стюарта изгнанником и оценил его голову в 1000 фунтов стерлингов. Легко может быть, что за сумму, во сто раз большую, нашелся бы предатель, но ничтожество цены не могло прельстить и самого презренного корыстолюбца.

Увенчанный лаврами победы, Кромвель возвратился в Лондон, а развенчанный его противник с поля битвы бежал в Шотландию, но, одумавшись вовремя, он, сопровождаемый преданным ему лордом *Уильмот*, приютился на ферме, принадлежащей верному служителю покойного Карла I. Убежище это было, однако же, небезопасно; жители фермы со дня на день ожидали обыска и потому убедили изгнанника скрыться на соседней мельнице, хозяин которой, *Пендерелль*, с пятью братьями душой и телом был предан Стюартам. Здесь Карл коротко остриг волосы, выбелил себе лицо мукой, перепачкал руки, придав им вид загорелых и грубых; переделся работником в старый кафтан, дырявые башмаки и серую остроконечную шляпу. Несмотря на свою удачную гримировку и костюм, король и на мельнице Пен-дереллей не был вне опасности: краснокафтанники (республиканские солдаты) бродили по окрестностям, угрожая мельнице неминуемым обыском. Братья Пендерелль наблюдали за сыщиками, извещая Карла условленными сигналами о степени опасности; на мельнице не было того тайного уголка, в котором не скрывался бы король, как травимый заяц в своей норке. Однажды он был принужден бежать и забраться на высокий дуб, в густой листве которого спрятался. Мельник с женой, сопровождающие его, занялись сбором валежника. Страшную минуту переживал Карл Стюарт, он видел сквозь ветви, как несколько солдат подошли к Пендереллю и

расспрашивали, не видал ли он в лесу какого-нибудь подозрительного прохожего. Благодаря находчивым ответам мельника сыщики пошли в противоположную сторону и скрылись из виду. Ночью король спустился с дуба на землю и благополучно возвратился на мельницу. Маститый царь лесов – дуб, укрывший в своих ветвях короля-изгнанника, после воцарения Карла II был назван *королевским* (the king's oak), и роялисты отплатили ему самой возмутительной неблагодарностью: они срубили это дерево и, расщепив на тысячи обломков, разделили их между собой, чтобы сохранить в семействах своих на память. Плохая награда спасителю короля, но -

Тому в истории мы тьму примеров видим! – и не с одними дубами. На другой день Карл, братья Пендерелль и лорд Уильмот с мельницы отправились к небольшой гавани Лим, в надежде найти хоть рыбацью лодку, на которой Карл мог бы переправиться на континент. Этот переход к Лиму, сопряженный со многими трудностями и опасностями, был ознаменован благородным самоотвержением и неустрашимостью Пендереллей. Простодушные их шутки улаждали державному беглецу скуку долгого пути и разгоняли уныние и ужас, по временам на него нападавшие. Старая лошадь, на которой Карл ехал верхом, едва передвигала ноги, и он сетовал на ее медленность. «Немудрено, государь, – сказал ему в утешение один из мельников, – ведь наша животинка впервые в жизни несет на спине целых три королевства!»

Достигнув замка кавалера Уайтгрева, Пендерелли с рук на руки сдали ему короля и расстались с ним, дав клятву в нерушимой верности, с выражением надежды увидеться с ним в иные, счастливейшие времена. До Лима оставалось еще три дня пути, и Уайтгрев посоветовал Карлу, переодевшись в платье слугителя, отправиться туда с ехавшей к отцу девицей, мисс Лэн. Верхом на лошади, усадив сзади себя свою добрую спутницу, король отправился к месту, где ожидали его спасение или смерть. Во время дороги им попадались навстречу солдаты и матросы; многие из них узнавали короля и, здороваясь с ним, будто со знакомцем, не выдавали его, способствуя, по мере возможности, удачному исполнению взятой им на себя унижительной роли слуги. Существует предание, вымышленное республиканскими злоязычниками, будто Карл Стюарт дорогой, плененный юными прелестями мисс Лэн, одержал над ней победу и за спасение своей жизни отнял у девушки неоцененное сокровище – честь и доброе имя. Двадцатитрехлетний юноша, конечно, мог увлечься восемнадцатилетней красавицей, тем более Карл Стюарт, в котором, после страха и ужаса, чувства голода и сладострастия

проявились прежде всех прочих... но, признаться, нам не хотелось бы верить этому сомнительному повествованию, и едва ли беглецу было до нежностей в те минуты, когда топор палача, подобно дамоклову мечу, висел над его головой.

В Лиме Карл нашел лорда Уильмота, которому после долгих стараний удалось подкупить лоцмана, взявшегося перевезти его и Карла Стюарта на берега Франции. Ночь накануне побега король и его спутник провели в приготовлениях к дальней дороге на чужую сторону; им помогал трактирщик, у которого они остановились; последний хотя и узнал Карла, но делал вид, что принимает его за простого эмигранта. Когда лорд Уильмот вышел из комнаты, трактирщик, с улыбкой целуя руку у короля, сказал ему:

– А не правда ли, милорд, если мы с женой доживем до тех пор, попадем мы с ней в знатные господа?

Карл побледнел и едва устоял на ногах; но трактирщик уверил его в своей преданности и без труда убедил довериться ему как усерднейшему слуге. Через несколько часов Карл Стюарт и лорд Уильмот на небольшом катере отплыли от берегов Англии и после четырех дней благополучного плавания прибыли в Нормандию и высадились в городке Фекан (Fécamp). Отсюда, после кратковременного отдыха, король отправился в Париж, где его встретили со всеми почестями, подобающими его сану, но еще того более – перенесенным бедствиям. Крута гора, да забывчива: при дворе юного короля Людовика XIV изгнанник почувствовал себя в своей сфере и, не теряя времени, пустился ухаживать за придворными дамами и девицами. Будто резвый мотылек, перепархивающий с одного цветка на другой, Карл Стюарт остановил было страстные помыслы на младшей племяннице кардинала Мазарини Марии Манчини. Мысль о браке с Марией некоторое время занимала ее всемогущего дядюшку, но потом он передумал. Этому немало способствовали дошедшие до него слухи, будто клевет Карла II граф *Оррери* в Лондоне ходатайствует о согласии Кромвеля на бракосочетание короля с его дочерью. Эти слухи, к стыду претендента, были основательны, и, к крайнему его позору, сватовство было безуспешно. Суровый Кромвель отвечал свату:

– Это дело невозможное. Карл никогда не простит мне смерти своего отца, но если бы и простил, то я не выдам дочь за такого развратника!

По мере приязненных отношений кардинала Мазарини с протектором английской республики парижский двор становился равнодушнее к Карлу Стюарту, и положение этого паразита, поддерживаемого голландским золотом, с каждым днем

становилось двусмысленнее. Королева Анна Австрийская на него косилась; Мазарини ворчал; король Людовик XIV хмурился; даже фрейлины, еще недавно заигрывавшие с интересным королем без королевства, сделались с ним суровы и неприветливы... Дошло наконец до того, что кардинал, по требованию Кромвеля, попросил Карла II избавить Францию от своего присутствия, и бедный юноша со стыдом удалился в Кельн. После развеселого житья в Париже и Сен-Жермене этот город показался королю чуть не темницей; но в вознаграждение за скуку здесь он вступил в переписку с республиканским генералом Джорджем Монком,^[2] уже тогда занятым мыслью о восстановлении королевского престола и возведении на него сына Карла I. Следующее письмо может служить доказательством как приятных отношений между Монком и Карлом II, так равно и успехов партии роялистов, за два года до кончины Кромвеля:

«Кельн, 12 августа 1656 г.

Некто, хорошо знакомый с вашим характером и вашими убеждениями, уверял меня, что вы, невзирая на все мои бедствия и неудачи, еще сохраняете ваше прежнее ко мне расположение и готовы доказать его при удобном случае. Лучшего от вас ничего не желаю. Будем же терпеливо дожидаться случая, который представится, может быть, ранее, нежели вы думаете. Будьте наготове, но покуда и настороже, чтобы не попасться в руки тех, которым известно все зло, могущее быть вами им сделано, если догадки их оправдаются, и которые, вероятно, подозревают, что вы расположены, как я уверен, к любящему вас другу – Карлу».

Кромвель не только не подозревал – он был уверен в тайных сношениях Монка со Стюартом и при всем том был настолько великодушен, что щадил изменника. В одном из своих писем к Монку в Шотландию протектор, между прочим, писал ему:

«...в настоящее время в Шотландии проживает некий хитрец, умышляющий на спокойствие республики, которого поручаю вашему вниманию. Этот человек испытанной храбрости, очень умный и способный; зовут его Георгом Монком. Я бы вас попросил арестовать этого молодца и препроводить его ко мне, в Лондон...»

Монк отшутился, однако же удвоил осторожность, равно и все приверженцы Стюартов. После смерти протектора Карл II из Кельна возвратился во Францию, с надеждой на содействие и

помощь кардинала Мазарини, однако же приехал не в добрый час. Занятый переговорами о Пиренейском мире, первый министр не имел ни времени, ни охоты покровительствовать Карлу II. В бессильном негодовании на временщика и на его малодушного, хотя уже и не малолетнего питомца, короля Людовика XIV, Карл II уехал в Голландию и здесь, буквально сидя у моря, ждал погоды. Политический горизонт Англии ясенел; мрачные тучи, застилавшие его во время владычества Кромвеля, рассеялись, и сквозь них просвечивала кроткая лазурь мирного затишья. Сын и преемник Кромвеля *Ричард*, добрый, но совершенно бездарнейший малый, всего менее был способен играть роль протектора. Он удалился от зла и сотворил благо, а Монк, на время диктатор, беспрепятственно занялся приготовлениями к новому правительственному перевороту, который при тогдашнем настроении умов мог обойтись без кровопролития. Народ жаждал перемены, оплакивая Карла I, он призывал его сына, изгнанника, и восстановление престола было желанием всех трех соединенных королевств. Новый парламент, созванный Монком, выказывая самые миролюбивые наклонности, единодушно и единогласно говорил об отмене республики. Окончательного решения участи Карл II дожидался в Бреде. Желая загладить обиды, причиненные династии Стюартов во время революции, парламент решился принести в жертву новому королю виновников страшного переворота, оставшихся в живых. Член старого республиканского парламента *Гаррисон* с семью товарищами были приговорены к смертной казни и обезглавлены; трупы Кромвеля и зятя его Иртона, вырытые из могил, были повешены на виселицах Тибурна, и при этой гнусной мести мертвецам заметили (как говорят иные писатели) подмену трупа протектора трупом Карла I... Еще одно обстоятельство, заслуживающее внимания. Историки-монархисты, задавшиеся благой идеей охранять память Карла II от нареканий, утверждают, что казни республиканцев и старых революционеров происходили помимо его воли, по распоряжению парламента; историки-республиканцы его одного обвиняют в этом поступке, действительно гнусном и бесчеловечном... Кому же тут верить? Карл II, истый эпикуреец, кровожаден не был и при восшествии своем на родительский престол, заискивая расположения народного, не стал бы пятнать себя злодействами, приличными каннибалу. Самый состав парламента, в котором роялисты сидели рядом с республиканцами, оставление королем на службе многих военных, сражавшихся против него, доказывают, что Карл II был далек от тирании в *первые* годы своего воцарения... Впоследствии он избаловался.

Восстановление престола было объявлено 8 мая 1660 года. По совету Монка Карл прислал в Лондон Джона Грэнвилля с письмом, в котором предъявил свои права на английскую корону. Парламент провозгласил Карла II королем Англии, Шотландии и Ирландии и поручил лорду-мэру Томасу Адамсу ехать в Гаагу и именем народа пригласить нового государя в его владения. Карл II не замедлил отъездом и в Дувре был встречен Монком, преклонившим перед ним колено. В день своего рождения, 29 мая 1660 года, Карл II совершил торжественный свой въезд в Лондон, при радостных криках нескольких сот тысяч народа, при грохоте пушек и звоне колоколов. Карл, щедро награждаемый судьбой за минувшие страдания, был сам не менее щедр ко всем своим приверженцам и милостив к врагам. Наградами он не обошел ни Монка, ни Уильмота, ни Уайтгрева, ни Лэна, ни Пендереллей. Лорд Гайд, граф Кларендон, был назначен первым министром; парламент был составлен из людей различных вероисповеданий и политических убеждений; сан епископский был восстановлен, и епископам опять было разрешено присутствовать в парламенте. Вместо прежних налогов с мер весов, составлявших главный доход короля, ему назначена была на содержание определенная сумма. Питая непреодолимое отвращение ко дворцу Уайт-Холл, бывшему жилищу Кромвеля и месту казни Карла I, король избрал своим местопребыванием дворец Сент-Джэмс с прекрасными садами, обширными парками и создал из него второй Версаль. При расстройстве финансов расходы на украшение Сент-Джэмса возбудили неудовольствия в среде людей государственных, радевших о пользах отечества. Республиканская партия выразила свое негодование мятежом, счастливо усмирённым (1661 г.). Предводитель бунтовщиков *Вернер*, полоумный фанатик, вербуя недовольных под свое знамя, уверял их, что сам Иисус Христос, снизойдя с небес, будет предводительствовать защитниками правого дела. Пресвитериане, недавние защитники Карла II, разочарованные в короле, роптали на его отступничество и явное его покровительство церкви англиканской; последователи ее уставов, в свою очередь, роптали на короля за его благосклонность к папистам. Таким образом, на него злобились подданные всех вероисповеданий, и, наконец, народ начал (если можно так выразиться) раскаиваться в своем недавнем раскаянии, которое побудило его призвать на королевство сына Карла Стюарта.

Державный эпикуреец, нимало не возмущаясь ропотом народным, не унывал и полной чашей пил амброзию всевозможных наслаждений на своем сент-джэмском Олимпе. Побочного своего сына от Люси Уольтерс, прибывшего из

Франции, он, призвав, пожаловал в графы Оркни, в герцоги Монмут, в кавалеры ордена Подвязки. Милейшая его маменька была давно забыта Карлом II, и не без причины, так как Люси во время его скитаний по Шотландии, оставаясь в Гааге, вела себя непозволительно дурно и наконец снискала себе репутацию продажной женщины. За новыми фаворитками при дворе Карла II дело не стало; все затруднение было в выборе. Маститый *Капфиз*, добродушный панегирист блаженного старого времени и всех вообще фавориток, говорит о дворе Карла II следующее:^[3] был занят предстоящим бракосочетанием короля с инфантой португальской (Екатериной), руки которой король официально просил у лиссабонского двора».

Нельзя сказать (еще бы!), чтобы Карлом II при его браке руководилась любовь. Инфанта была ни хороша собой, ни умна: в этом выборе главную роль играла политика; кроме того, за ней давали полновесными дублонами отличное приданое (ну, разумеется), а король постоянно нуждался в деньгах... не потому, что бы он был скуп, напротив, он был расточителен, но ему неприятно было спрашивать субсидии у парламента, каждый раз вступавшего в пререкания, чуть заходила речь о выдаче денег.

Знатные кавалеры, окружавшие короля, были люди веселые и не охотники до политики. Верный герцог Ормонд, герцоги Бекингэм и Сент-Олбени, граф Фальмут, конфиден (т. е. помощник в интригах) короля граф Гамильтон – образец придворного человека. «Он был одарен счастливыми способностями, ведущими к фортуне и успехам в интригах любовных: ловкий царедворец, умный, с изящными манерами, превосходный танцор, щеголь. Ему под пару был красавец Сидни, далеко не такой опасный волокита, каким казался с виду, ибо не имел достаточно умения, чтобы предохранять свою красоту от увядания... но особенно счастлив в любви был юный Джермин, младший сын графа Сент-Олбени, на которого отовсюду дождем сыпались удачи в интригах».^[4] Дух двора был, как я уже сказал, духом подражания Версалю. Обаянием французских мод и грации проникнут был двор Карла II.

Этому настроению умов способствовало пребывание в Англии дворян, изгнанных из Франции или добровольно прибывших ко двору Карла II после Реставрации... Из таковых особенно любимы королем были: граф Сент-Эвремон и блестящий и ветреный кавалер де Грамон.^[5]

Мы после пристальнее займемся этими прихлебателями сент-джермского дворца, а здесь заметим, что для предстоящей свадьбы, на содержание красоток, на подарки приспешникам и всей своей будуарной челяди Карлу II деньги были нужны до зарезу. Чтобы

не кланяться парламенту, король, долго не думая, решился продать Дюнкирхен Франции, уступленный ей Англии еще при Кромвеле. За эту крепость Карл II получил 50 000 фунтов стерлингов, и, сверх того, Людовик XIV долгое время уплачивал ему ежегодную пенсию. За эту позорную продажу злые языки прозвали Карла II «вице-королем французского короля», а патриоты, республиканцы и роялисты, возопили от негодования. В свое оправдание король мог сказать, что крепость в чужом королевстве, вообще говоря, политическая какофония, и если шотландцы продали англичанам покойного Карла I за 800 000, почему же его сын не мог продать Дюнкирхена французам за 50 000 фунтов стерлингов? Оно, пожалуй, дешево, но ведь и крепость не король!

Любовница Карла II мисс Франциска Стьюарт – личность замечательная. Не беремся описывать ее своими словами, из опасения, чтобы несколько капель желчи не придали нежному личику этой кокетки неподобающего ему колорита; мы заимствуем рассказ из записок кавалера Грамона, в назидание потомству оставившему драгоценные сведения о дворе Карла II. «Характер у нее был ребячески смешливый; склонность к забавам, приличным только двадцатилетней девочке. Любимейшей ее игрой были жмурки. Она любила строить карточные домики, в то время, когда у нее в доме бывала большая игра, причем услужливые придворные снабжали ее строительными материалами или показывали ей постройки новой архитектуры. Она также любила музыку и пение. Герцог Бекингэм умел отлично строить карточные домики, прекрасно пел, сочинял песенки и детские сказочки, от которых мисс Стьюарт была без ума, но особенно удачно он умел подмечать смешные черты в манерах и в разговоре других и искусно передразнивать для них же самих неприметно. Короче, Бекингэм был таким отличным лицедеем и приятным собеседником, что без него не обходилось ни одного собрания. Мисс Стьюарт в своих забавах была с ним неразлучна, и если он не приходил к ней вместе с королем, она тотчас же за ним посылала».^[6]

Грамон, глядя на эту ребячившуюся развратницу с умилением, воображал, что пишет ей панегирик, а вышел злейший пасквиль. Не можем не пополнить его несколькими чертами, заимствованными из Диксона, писателя нам современного, который на красоток этого разбора смотрит с правдивой точки зрения и называет их настоящим именем. В нее одновременно были влюблены король, брат его Иаков и двоюродный брат Карла Стюарта герцог Ричмонд. Шалунья сожительствовала со всеми тремя, чтобы не обидеть ни того, ни

другого, ни третьего. Эта Франциска была прелестнейшей и глупейшей женщиной при дворе, переполненном красавицами и дураками. Кроме трех обожателей из королевской фамилии, ее любовниками были: Бекингэм – карточный архитектор, Мондевиль, Карлингтон и Дигби, из любви к ней решившийся на самоубийство. Связь Карла с мисс Стьюарт не мешала ему в то же время сожительствовать с леди Кэстльмэн и актрисами Нелли Гуин и Молли Дэвис... О каждой из них мы поговорим подробно; сперва окончим обзор жизни Франциски.

Она жила во дворце Уайт-Холл, в котором Карл II весьма часто посещал ее. Разоряя казну для постройки Сент-Джэмса, король оправдывался отвращением ко дворцу Уайт-Холл – отвращением понятным: сыну тяжело было жить во дворце, в котором был казнен его отец... Каким же родом эти благородные чувства уважения не помешали Карлу II бывать чуть не ежедневно в Уайт-Холле для празднования в его стенах таких луперкалий, от которых могли покраснеть древние Пoppея и Мессалина? Однажды ночью Франциска, леди Барбара Кэстль-мэн, Нелли Гуин, Молли Дэвис и целый лупанар им подобных в присутствии короля играли пародию венчания. Леди Кэстльмэн представляла жениха, Франциска Стьюарт – невесту, прочие фиглярки – священников и свидетелей. Обряд сопровождался всеми церковными и общественными церемониями, новобрачных уложили в постель, и следовавшие затем сцены были такого игривого, каскадного свойства, что о них ни в сказке сказать, ни пером описать! Сам король пел, аккомпанируя себе на гитаре, неблагопристойные песни, нагие фаворитки плясали перед ним, вино лилось рекой, и праздник окончился совершенной вакханалией...

Милые, шаловливые дети! Не эти ли забавы кавалер Грамон в своих записках называет невинным «строением карточных домиков»?

Из всех обожателей мисс Стьюарт герцог Ричмонд был ею пленен всех более и, ослепленный страстью, решил наконец тайно обвенчаться с ней. Тогда в сердце Карла II закипела нешуточная ревность. Он распустил свой гарем; дни и ночи проводил с Франциской... Поговаривали даже, будто он хочет развестись с королевой и жениться на своей возлюбленной. Однако же он ни сам не венчался с ней, ни Ричмонду не позволял венчаться. Франциска, как опытная развратница, разочла, что ее замужество с Ричмондом несравненно будет выгоднее, нежели с королем, так как сан королевский наложит на нее обязательства, с ее шаловливой натурой положительно не исполнимые. Досадуя на Карла II, она притворилась больной, перестала его принимать,

чтобы все устроить к побегу с Ричмондом. Разобиженный Карл II отправился с жалобой к леди Кэстльмэн.

– Она тебя выгнала? – спросила леди, радуясь случаю отомстить сопернице.

– Выгнала. Нездорова...

– Так советую еще навестить ее и кстати повидаться с ее доктором. Бабиани, – продолжала она, обращаясь к своему шпиону-итальянцу, – проводите короля на половину мисс Стьюарт.

Карл бросился опрометью; оттолкнул горничную, преградившую ему дорогу в спальню фаворитки; вбежал и увидел Франциску в объятиях Ричмонда. Влюбленные сговаривались о предстоящем побеге. Король разразился бранью, приличной разве только пьяному матросу... Виновные дрожали от ужаса, и Ричмонд из спальни был отправлен прямо в Тауэр, в которой просидел три недели (с 31 марта по 21 апреля 1655 года). Немедленно по освобождении Ричмонд и Франциска Стьюарт бежали в Кент и там тайно обвенчались. Мисс Стьюарт возвратила королю все им подаренные ей бриллианты. Несколько времени Карл II бесился на изменницу, потом помирился с ней, и зажила герцогиня Ричмонд, молодая супруга, по-старому, т. е. меняя любовников, как перчатки, уверяя короля в неизменной верности и обирая его без зазрения совести. Муж ее умер в 1670 году, а она в 1700 или в 1701 году, оставив после себя огромное состояние.

Биография этой фаворитки заставила нас нарушить хронологический порядок, которого мы придерживались при обзоре политических событий царствования Карла II. Возвратимся же к ним, чтобы не утомить читателя рассказами о распутствах, которые более всяких других рассказов могут прискучить своим грязным однообразием.

В 1663 году, покоряясь требованиям парламента, король принужден был объявить войну Голландии, ради ограждения торговых интересов своего королевства. Война вначале была успешна, но самые успехи английского оружия побудили Людовика XIV и Фридриха III, короля датского, заключить с Голландией союз против Карла II. Тогда военные дела приняли несчастный оборот, угрожавший Англии конечным разорением. Голландско-датский флот беспрепятственно вошел в устье Темзы, достиг Мидуэ и у Чэтэма сжег стоявшие в гавани английские корабли. За одним бедствием следовало другое, страшнейшее. В 1665 году в Лондоне внезапно появилась моровая язва, в течение нескольких месяцев поглотившая до 90 тыс. жертв. Надобно отдать справедливость Карлу II, что он во время чумы не только

не растерялся, но выказал самое благородное и великодушное самоотвержение. Он посещал чумные лазареты, помогал осиротевшим, поддерживал энергию в народе двумя диаметрально противоположными средствами: торжественными молебствиями и публичными увеселениями. Эта мрачная эпоха, подобно холерным годам у нас, в Петербурге, проникнутая поэзией ужаса, вдохновила нашего Пушкина и дала ему мысль написать одно из прекраснейших произведений, «Пир во время чумы». Впрочем, и английские поэты, современники чумы, несмотря на все ее ужасы, находили в себе достаточно энергии, чтобы писать поэмы; из таковых авторов можем указать на Драйдена. Истый тип поэта-низкопоклонника, Драйден, подобно подсолнечнику, оборачивал лицо к восходящему светилу власти. Был в силе Кромвель – и Джон Драйден в его честь сочинял греческие стансы; воцарился Карл II, и тот же Драйден приветствовал его поэмой *Astra redux* и воскурял стихотворные фимиамы его любовницам... Впрочем, вдохновение поэта всегда своенравно; вдохновение – вино, поэт – пьяница: кто бы его ни попотчевал, он безразлично охмелеет и в хмелю запоем в честь амфитриона. Нам еще придется поговорить в нашей книге о твердости политических убеждений поэтов вообще и наших в особенности. Мы по этой части делали много любопытных наблюдений.

Чума не утихала, угрожая Лондону совершенным опустошением; к счастью, новое бедствие, в котором во всем блеске проявилось мудрое правило промысла «нет худа без добра», успешнее всяких санитарных мероприятий способствовало прекращению моровой язвы. 2 сентября 1666 года в пекарне булочника в Пуддинг-лэне вспыхнул пожар и с неудержимой быстротой распространился по всему городу. В три дня огнем было истреблено в Лондоне 400 улиц, 13 200 домов, 89 церквей и других общественных зданий. И на этот раз Карл II и брат его Яков, герцог Йорк, снискали себе всенародные благословения за их отвагу и разумную распорядительность. Стараниями короля и парламента Лондон по новому, правильному плану в течение немногих лет возник из пепла, а чума, тотчас же после пожара, исчезла, как будто сгорела в пламени. О причинах лондонского пожара ходило множество разноречивых толков: пресвитериане обвиняли в поджоге города папистов; паписты – пуритан... Можно сказать, что пожар разжег прежнюю ненависть диссидентов. Памятниками этого страшного события остались: монумент, воздвигнутый в 1671 году архитектором Реном (Wren), и поэма Драйдена. Трудно решить, что из двух безобразнее. Придворный поэт, говоря, что проливной

дождь способствовал тушению пожара, выражается так: «Господь тронулся мольбами жителей Лондона и накинуд на огонь *гасильник* в виде огромной хрустальной пирамиды, наполненной водами небесными»...

notes

Примечания

Желающим ознакомиться с жизнью и подвигами этого героя рекомендуем роман Вальтера Скотта «Легенда о Монрозе».

Родился 6 декабря 1608 г., умер 3 января 1670 г. Карл II произвел его в герцоги Альбемэрль.

Capefigue. Duchesse de Portsmouth. Paris, 1859, p. 42–44.

Memoires du chevalier de Gramont.

Capefigue. P. 45–47.

Gramont. Memoires. Livre XI.